

мию, не доходя до Иртыша, на юг с целью отвести ее затем в Алтайский район. Я сделал приготовления, чтобы ехать в армию и быть при ней. Адмирал колебался, то решая ехать со мной, то склоняясь на поездку в Иркутск, куда переезжали совет министров и главные аппараты управления. Кроме того, все время стоял трудный вопрос с золотым запасом, которого было 28 вагонов полной нагрузки, то есть 28 тысяч пудов.

Наконец, 10 ноября хватил мороз. Иртыш стал. Лед крепнул. Переправа для войск была обеспечена. Было решено закончить спешно эвакуацию, уничтожить все военные запасы в Омске и отводить армии на восток; собрать резервы на линии города Татарска или если не успеем, то на линии Томск—Новониколаевск, чтобы там дать сражение всеми силами, включая и армию генерала Пепеляева. Войска наши не разлагались, нет, они только безумно устали, изверились и ослабли. Поэтому отход их на восток делался все быстрее, почти безостановочным.

Пять литературных поездов, составлявших личный штаб Верховного Правителя (один из них был с золотым запасом), выехали из Омска 13 ноября; я дождался приезда командующих армиями генералов Каппеля и Войцеховского и 14 ноября, после совещания с ними, выехал из Омска с моим штабом. А 15 ноября утром красные с севера обошли бывшую столицу Сибирского правительства, и наши войска принуждены были оставить линию реки Иртыша. Омск пал...

На десятки верст слышались оглушительные взрывы, которыми уничтожали многотысячные омские запасы снарядов, патронов и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченные их радио торжествовали полную победу. Но это было не так. Перед нами лежал ряд задач, которые нужно было выполнить, и тогда положение было бы спасено. Борьба за Россию была бы доведена до конца, до нашей победы.

*Д. Филатьев*⁸¹

КАТАСТРОФА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ⁸²

Образование Директории

По инициативе Самарского, Екатеринбургского и Сибирского правительств были устроены два совещания: 23 августа — в Челябинске и 23 сентября — в Уфе. После бесконечных дебатов о приоритете наконец согласились на учреждение единой власти в лице пятичлен-

ной Директории, и местом ее пребывания был выбран Омск, как отстоящий далеко от фронта. Директорами были избраны Авксентьев, Астров, находившийся в это время при Добровольческой армии, Вологодский, Чайковский, бывший в ту пору в Париже, и генерал Болдырев, он же Верховный главнокомандующий. На случай убыли или отсутствия были избраны заместители: Авксентьеву — Аргунов, Астрову — Виноградов, Вологодскому — Сапожников, Чайковскому — Зензинов и генералу Болдыреву — генерал М.В. Алексеев, возглавитель Добровольческой армии.

Нельзя не подивиться составу Директории, избранному для управления государством в минуту тячайших испытаний. Как на подбор, директорами были выбраны лица, имена которых ничего не говорили не только России, но даже и Сибири и которые решительно ничем себя не проявили ни на государственном, ни на общественном поприще, за исключением Астрова да отчасти Авксентьева, ставшего известным после того, как он входил в состав министерства Керенского. Избрание Астрова и Чайковского было простым лицемерием, так как ясно, что прибыть в Сибирь они могли не раньше как через несколько месяцев. Назначение же генерала Алексеева заместителем Болдырева было явной бестактностью со стороны самого Болдырева: по их взаимному удельному весу естественно было бы избрать Алексеева директором, а Болдырева его временным заместителем; как Верховный главнокомандующий, генерал Алексеев мог свободно оставаться при Добровольческой армии, если бы не захотел ехать в Сибирь и оттуда объединять военные действия, что для Болдырева из Сибири было неосуществимо. Если бы Директория не избиралась исключительно по признаку партийности, то, несомненно, в состав ее должен был бы войти генерал Хорват, как знаток Дальнего Востока и как человек, пользовавшийся там большой популярностью.

Избранная Директория была признана Уфимским совещанием как «единственный носитель верховной власти на всем пространстве Государства Российского» до созыва Учредительного собрания. Представители англичан в Сибири, Ольстен и Нокс, французов — Пишон и Буржуа, и чехов — Павлу приветствовали создание Директории, которая, кстати сказать, избиралась под сильным давлением чехов, грозивших уйти с фронта, если соглашение не состоится.

Кроме Астрова, к тому же отказавшегося от избрания, Вологодского, Болдырева и Алексеева, все директора и заместители были социалистами и получили от партии особые инструкции, которые обязаны были исполнять, хотя бы они шли вразрез с государственными интересами. На этом-то Директория вскоре и споткнулась.

Деникин отказался признать Директорию всероссийскою властью «как ответственную и направляемую Учредительным собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства и не пользующимся ни малейшим авторитетом». Генерал Алексеев прислал Директории «искреннее поздравление», но на избрание его заместителем Болдырева никак не реагировал.

Хорош или плох был выбор Директории и самое ее установление, важно то, что на этот раз в России наряду с большевистскою властью появилась другая, антибольшевистская, стремившаяся к свержению первой, и притом не самочинная, не рожденная путем военного насилия, а все же кем-то выбранная, не встретившая протеста со стороны населения. Особенно ценным для новой власти являлось признание ее за таковую уральскими, оренбургскими и забайкальскими казаками, заподозривать которых в легкомысленности или неискренности оснований не было. Это подводило под Директорию своего рода фундамент, которого никогда не имела Добровольческая армия в ее претензиях на всероссийскую власть. Несомненно, генерал Деникин был не прав, отказавшись признать Директорию, как не прав он был впоследствии в промедлении признания власти адмирала Колчака. Чистота знамен и лозунгов добровольцев не могла пострадать от подчинения Директории, хотя бы она и была «ответственна и направляема» Учредительным собранием, чего в действительности и не оказалось, ибо дело заключалось не в «средствах», а в «цели». Если Директория ставила себе целью свержение большевиков, то всем, жаждущим того же, надо было идти вместе с нею, доколе она от поставленной цели не уклонялась. Какой толк вышел из того, что когда-то граф Шамбор не пожелал уступить в вопросе о трехцветном знамени. Если он считал, что его воцарение нужно Франции, а не ему лично, то он обязан был уступить и отказаться от белых алий. Наша общая цель была свергнуть большевиков и потом уже разбираться в вопросах управления, поэтому не следовало ни отворачиваться от Скоропадского, ни заниматься местничеством с Красновым, ни открепиваться от Директории или впоследствии медлить с признанием власти адмирала Колчака. Положение Деникина оказалось бы не из уютных, если бы Директория была признана как всероссийская власть иностранными правительствами. С его стороны было бы дальновиднее и государственнее самому ходатайствовать перед союзниками о признании в первом случае Директории, во втором случае Колчака как верховной власти. Ведь такое признание придавало бы устойчивость ему самому, как агенту этой власти, и выводило бы Добровольческую армию из положения партизанства.

Первые шаги Директории

Как только состоялось избрание и Директория собралась в Омске, она объявила себя всероссийским правительством и оповестила об этом все русские посольства и иностранные правительства, уверенная, что последние ее немедленно признают. Хотя признания и не последовало, но все же союзники отнеслись к Директории сочувственно, аккредитовали при ней своих «высоких комиссаров» и обещали поддержку в борьбе с большевиками, сделав лишь оговорку, что делают это в целях скорейшего продвижения чехов в Европу. Несомненно, такая оговорка была лишь формальностью, и скрытая цель союзников заключалась в их желании восстановить русский фронт против Германии при помощи Директории. Ведь никто тогда не думал, что через два месяца Германия капитулирует и Россия потеряет для союзников всякий интерес, кроме выжимания из нее процентов по долгам.

Окончив организационный период, Директория назначила новых министров, в числе коих военным министром был сделан адмирал Колчак. Работа в министерствах не клеилась, чему не надо удивляться, так как у власти — люди, даже и близко к какому-либо управлению не подходившие. В омских министерствах министерского было не больше, чем в любой уездной управе. Управлению приходилось учиться с азов. Возможно, что постепенно дело наладилось бы, если бы не партийные инструкции, связывавшие директоров. Адмирал Колчак открыто заявлял, что с социалистами работать невозможно; торгово-промышленные круги Директории, из-за ее социалистического состава, не доверяли; офицеры волновались, так как Чернов уже приступил к разрушению и русских, и чешских войск, объявил офицеров реакционерами, протестовал против погон и чинопочитания. За два месяца своего существования Директория ни в ком не нашла ни доверия, ни сочувствия; она отпугнула, не успев расцвести. В Омске зрело брожение в казачьих и офицерских кругах. Нужен был только толчок для взрыва. Он, к сожалению, скоро нашелся, и взрыв произошел. Я потому говорю «к сожалению», что выгоднее было бы дать Директории умереть естественной смертью, тогда не было бы последовавшей за переворотом смуты.

Переворот 18 ноября 1918 года

Пустячный случай ускорил ход событий. 16 ноября, по случаю приезда в Омск французского генерала Жанена, был устроен в общественном собрании банкет, на котором подвыпившие офицеры по-

требовали и настояли на исполнении народного гимна после исполнения Марсельезы. Лидерам партии социалистов-революционеров не понравилась эта, как они называли, «монархическая молитва» (принято считать, что требование исполнения гимна после 3 марта 1917 года есть признак махровой реакционности; забывают при этом, что в этих случаях гимн, не заключая в себе никакого словесного содержания, сохраняет за собой духовное значение, как напоминающее о днях славы и величия России и как противовес Интернационалу или хотя бы Марсельезе, которую с первых дней нашей революции начали исполнять вместо народного гимна), и они предложили адмиралу Колчаку арестовать казачьих офицеров Красильникова, Катанаева и Волкова. Дело было, разумеется, не в гимне, за который было бы нелепо арестовывать, а в том, что правительству было известно, что против него имеется заговор, во главе которого находились три упомянутых офицера. Красильников и Волков, вместо того чтобы быть арестованными, предпочли сами арестовать двух директоров — Авксентьева и Зензинова — и управляющего делами Роговского и заперли их на ночь в одну из казарм. За арестованных никто не вступился, и междоусобной брани не произошло.

18 ноября утром собрался совет министров под председательством директора Вологодского, который оставался на свободе, чтобы обсудить создавшееся положение и что делать дальше. Восстанавливать популярность директоров, да еще после того, как они отсидели ночь в казармах, было просто неумно. Избирать новую Директорию — значило бы начинать сказку сначала. Поэтому без прений было принято решение, которое давно уже назрело: «В трудные минуты жизни государства власть должна быть сосредоточена в одних руках». Оставалось установить, кому ее вручить. Начальник штаба армии генерал Розанов назвал генерала Болдырева. Его поддержал адмирал Колчак, указавший, что диктатором может быть только лицо, опирающееся на армию и пользующееся ее доверием. Сам адмирал был горячий сторонник установления единоличной всероссийской власти. С этой мыслью он носился еще до избрания Директории и предлагал ее на обсуждение некоторым лицам во Владивостоке, выдвигая как кандидата генерала Хорвата. Непонятно, почему он не вспомнил об этой кандидатуре, когда в Омске вопрос был поставлен реально. Но кандидатура генерала Болдырева не только не встретила сочувствия, но даже не обсуждалась. Устругов, министр путей сообщения, написал на бумажке, но не предложил на обсуждение генерала Хорвата. Кто-то предложил Колчаку самому принять власть, но он от этого решительно отказался. Тогда его попросили на время удалить-

ся, чтобы не стеснять обсуждение кандидатур. Без него быстро пришли к решению, что именно Колчаку надлежит принять на себя всю полноту власти со званием Верховного Правителя. Теперь, много лет спустя и зная все перипетии событий, нетрудно догадаться, что совет министров поступил бы благоразумнее, если бы предложил титул Верховного Правителя Деникину, а его заместителем в Сибири избрал бы Колчака или Болдырева. Это было бы логично, подняло бы престиж Деникина перед союзными правительствами и создало бы действительное объединение в опытных руках военных операций на европейском и азиатском фронтах. Не рождался бы тогда и вопрос об участии Колчака в свержении Директории и не могло бы быть сопротивления власти избранного правителя со стороны Семенова и других, оказавших вначале неповиновение адмиралу Колчаку. А поехал бы Деникин в Сибирь или нет, большого значения быть не могло, особенно если бы во главе сибирских войск остался бы генерал Болдырев.

Сверх того, нельзя не заметить, что совет министров слишком просто подошел к вопросу замены Директории единоличной властью Колчака и не обратил никакого внимания на юридическую и государственно-правовую сторону вопроса. Получался явный нонсенс: не совет министров избирал Директорию, а Директория назначила министров, образовавших совет, почему последний, хотя бы и в период революции, не должен был считать себя правомочным замещать Директорию. Ему надо было придумать какую-то более приличную и хотя бы по видимости более легальную форму перестроения власти, чтобы это не носило характера переворота. Во всяком случае, было бы благоразумным до окончательного решения вопроса вызвать в Омск на совещание генерала Болдырева, как одного из директоров, в руках которого в то же время находилась армия. Закинсь Болдырев (так в тексте. — *Примеч. ред.*), и положение совета министров и его избранника Колчака оказалось бы трагическим. Но так или иначе, был избран Колчак, и его избрание оказалось чреватое последствиями.

Итак, 18 ноября в Омске, хотя в малоудачной процессуальной форме, свершилось то, что по логике государственного разума должно было совершиться в Петрограде после отречения Великого Князя Михаила Александровича. Будь Государственной думой избран тогда же Верховный Правитель как несменяемый до Учредительного собрания носитель власти, Россия не скатилась бы в пропасть. Кто бы он ни был, вернее всего Родзянко, он не пошел бы на соглашение с Совдепом, как пошла коллегия с князем Львовым во главе. Он не остановился бы перед решительными мерами для борьбы с разрухой,

не распустил бы всю губернскую и уездную администрацию, а главное, он не отдал бы армию на растерзание всякого рода реформаторам, после опытов которых от армии остались рожки да ножки.

Дата 18 ноября явилась счастливым историческим совпадением: 18-го же ноября 1799 года, по революционному календарю 18 брюмера, Наполеон сверг совет пятисот и с этого дня начал править Францией единолично. Но в Сибири переворот не прошел так гладко, как когда-то во Франции. Адмирала Колчака ждали крупные неприятности. Первыми заявили протест чехи, найдя, что переворот нарушает права демократии и условия Уфимского соглашения. Этот чисто дипломатический протест иностранцев, не имевших никакого права вмешиваться в наши внутренние дела, был прежде всего оскорбителен для нашего национального самосознания, и тем более, что пилюлю пришлось проглотить молча. Угроза чехов покинуть фронт практического значения не имела, так как они его и без того покинули, перейдя на положение «уставших» или, как там называли, «вспотевших». Практическое значение их протеста сказалось бы в другом.

Еще 22 октября ЦК партии эсеров обратился со своего рода манифестом ко всем партийным организациям, в котором указывал на слабую сопротивляемость Сибирского правительства проiscaм реакционеров и приглашал партию сомкнуть ряды и приступить к мобилизации и военному обучению всех сил партии, «чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта». Пелась та же песня, что в 17-м году неизбежно тянула Керенский, ставя чистоту партийной программы выше интересов государства. Ясно, как забили в набат эсеры, когда 19 ноября в Екатеринбург, где пребывал Комуч, пришло известие о событиях в Омске. Съезд членов Учредительного собрания единогласно признал «полную невозможность признания закономерности происшедшего и необходимость борьбы против Омского правительственного акта всеми средствами». Намечены были мобилизация рабочих Екатеринбурга и обеспечение дружественного содействия со стороны чехов.

Антигосударственная партия и такой же Комуч, только месяц тому назад укорявшие кого-то в намерении открыть борьбу в тылу фронта, теперь с легким сердцем готовы были начать гражданскую войну с тылом во имя торжества партийных догм, а если ее не открыли, то только потому, что за ними никакой силы не оказалось и надежда на какую-то мобилизацию «всех сил» не оправдалась, как не осуществилось желание втравить в борьбу с Омском чехов. Колчак приказал по телеграфу арестовать всех членов Комуча с квалифицирован-

ным негодяем из эсеров Черновым во главе. Это было исполнено, и 14 арестованных под конвоем были оправлены в штаб 25-й дивизии. Вот тут-то и пригодились чехи: комендант Влага с отрядом солдат нагнал арестованных и отбил у конвоя. В дальнейшем, по сношению с Омском, решено было членов Комуча отправить в Тюмень и Шадринск, но при помощи чехов же им удалось бежать в Уфу. Протест и бумажное восстание Комуча были ликвидированы, но ненадолго: скоро Омскому правительству пришлось иметь дело с целым рядом восстаний, организованных эсерами.

Атаман Семенов

Ни чехи, ни эсеры не создали Колчаку, непосредственно после его вступления во власть, действительных затруднений. Они пришли с востока от атамана Забайкальского войска Семенова. Кто такой Семенов — известно всем. Во время войны — подъяесаул Нерчинского казачьего полка, которым командовал покойный Врангель. После войны партизан на станции Маньчжурия, базировавшийся в Харбине и получавший денежные средства от генерала Хорвата и там же сошедший близко, неизвестно на какой почве, с японским командованием. Человек совершенно беспринципный, не брезговавший никакими средствами, до грабежей и убийств включительно. Когда Колчак состоял в Харбине в организации генерала Хорвата, у него вышло резкое столкновение с Семеновым, который приказал одному из своих подручных арестовать какого-то из колчаковских офицеров и отправить его в Маньчжурию на расстрел. Вовремя предупрежденный, Колчак сам арестовал арестователя. Это создало конфликт, который Колчак быстро забыл, но не забыл Семенов и через некоторое время отказался от объединения действий против большевиков и от помощи деньгами и оружием, предложенной Колчаком. К несчастью, там же, в Харбине, у Колчака вышли неприятности с японским генералом, когда Колчак просил его продать нам оружие, а японец осведомился таинственным голосом, «какую компенсацию может дать Россия за помощь». Колчак вспылал и наговорил дерзостей. Этот эпизод тоже не остался без последствий в будущем, особенно когда, вследствие полного неумения вести дела со стороны министра иностранных дел Сукина⁸³, отношения с японцами вконец испортились.

Когда Семенова уведомили о перевороте в Омске, он телеграфно уведомил, что отказывается признать Колчака Верховным Правителем, и выставил своего кандидата — атамана оренбургских казаков Дуто-

ва. Одновременно Семенов прервал телеграфную связь Омска с востоком и стал задерживать грузы, идущие в Омск. Можно себе представить душевное состояние адмирала и его министров. Будь Колчак более уравновешенного характера, он попробовал бы уладить дело мирным путем. Ведь как-никак, а Семенов, хотя и действовавший как Иуда Искариотский, формально был, так сказать, в своем праве признать или не признать выбор омского совета министров. Когда-то он добровольно подчинился Директории, избранной совещанием 19 правительств; это не означало, что он брал на себя обязательство беспрекословно соглашаться на все, что последует за возможным уходом Директории от власти, и решение совета министров не могло почитаться для него обязательным и возглавление Колчаком не только Сибири, но и всей России бесспорным. Колчак поторопился и решил привести Семенова к покорности силою. Был выслан в Забайкалье отряд под начальством генерала Волкова (тот самый, что арестовывал Директорию и был произведен Колчаком в генералы), которому, однако, не пришлось приступить к покорению Семенова, так как японцы, имевшие в Забайкалье дивизию, объявили, что они не допустят боевых действий. Положение осложнилось, а престижу Верховного Правителя был нанесен жестокий удар; все равно пришлось приступить к переговорам. Телеграфное вмешательство Дутова, напомнившего Семенову об ответственности перед Родиной, спасло положение: Семенов подчинился, а Колчак отменил свой приказ об отрешении Семенова от должности. То был первый урок для носителя власти не наследственной, но в будущем он не послужил к умиротворению характера адмирала и не предостерег его от слишком поспешных решений.

На этот раз, хотя и не без морального ущерба для власти, с протестами и сопротивлениями было покончено. Колчак мог свободно приступить к принятой им на себя задаче по свержению большевиков и умиротворению России.

Первый период правления адмирала Колчака

Приняв назначение, адмирал в тот же день отдал следующий приказ: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройств государственных дел и жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и

порядка». Приказ этот определял совершенно ясно, точно и полно условия, при которых власть переходила от безвольной, безличной и многоголовой Директории в единоличные руки Диктатора.

Адмирал Колчак отлично сознавал предстоящие ему трудности, почему и говорил, что он принял на себя крест этой власти; он знал, что ему предстояло идти именно крестным путем, но, конечно, не предугадывал, к какой Голгофе он его приведет. Мы видели, как нетрудно было адмиралу Колчаку сделаться диктатором, а сейчас я постараюсь показать, как трудно было эту диктатуру осуществить в пределах им самим поставленных целей, то есть создания боеспособной армии, победы над большевиками и установления законности и порядка. Задачи колоссального масштаба для страны, которая уже почти два года жила в атмосфере бесправия и хаоса, и при наличии в населении вооруженной силы (в виде ушедших с фронта солдат), не опасной для внешнего врага, но страшной для внутреннего порядка государства. Ведь прежде всего разруха государства создалась на почве развала и разнузданности армии.

По существу дела и в переводе на житейский язык содержания приведенного выше приказа адмирала ему и его правительству предстояло: восстановить внутренний порядок на территории Сибири и Дальнего Востока, восстановить торговую жизнь и финансовое обращение, восстановить разрушенный аппарат юстиции, установить взаимоотношения с нашими бывшими союзниками и убедить их признать как всероссийскую власть Сибирского правительства, а сверх того и прежде всего создать вновь армию, победить с нею окончательно большевиков и тем самым восстановить великодержавную Россию. Мы не знаем и за преждевременной смертью Колчака никогда не узнаем, как рисовалось ему выполнение всех этих задач и приходило ли ему в голову, что одновременное разрешение их трудноосуществимо. По-видимому, нет, и он пошел по тому же пути, что и Директория, то есть не упростил аппарат управления и не прибег к помощи самого населения для того, чтобы узнать точно его нужды, желания, возможность их осуществления и сохранения тех способов самоуправления, которое крестьяне установили у себя за отсутствием суда и полиции. У Колчака все ставилось на великодержавный манер, не сообразуясь со средствами и возможностями, почему до населения результаты управления в их положительном значении и не доходили, а отрицательные, как реквизиции, мобилизации, налоги, чувствовались очень сильно. Персонально сохранились почти все министры Директории; только военным, вместо самого адмирала, был назначен генерал Степанов, да по личной инициативе Колчака учреж-

дена должность морского министра, на которую был назначен адмирал Смирнов. Полученные Колчаком по наследству от Директории министры в полной мере оправдали первую часть пословицы, что не место красит человека. Да и вообще учреждение министерств в Сибири можно объяснить лишь нашей болезненной склонностью к громким званиям. Кроме Добровольческой армии, ни одно правительство не удержалось от того, чтобы иметь своих министров. Часто не было ни подданных, ни своей территории, а министры были налицо всегда, как то было, например, в Северо-Западной армии или у генерала Хорвата. В Сибири такие министерства, как юстиции, земледелия, просвещения, являлись чистойшей бутафорией. О каком просвещении можно было говорить в одной только области государства, наименее просвещенной и уже два года живущей в хаосе революции, или о министерстве юстиции, когда судебный следователь не смел без конвоя отъехать на десять верст от линии железной дороги.

Из гражданских министерств лишь одно министерство — министерство путей сообщения — должно быть выделено особо, так как его работа было нужна ежедневно, ежечасно, чтобы Сибирь не оказалась отрезанной от Востока. Оно действительно работало по-настоящему и без перебоев, потому что во главе его находился опытный инженер путей сообщения, Устругов, из настоящего петербургского министерства, и помощники его были специалисты своего дела, а не случайные люди со стороны. К сожалению, таковых не оказалось в важнейших отраслях управления: министерствах внутренних дел, финансов и иностранных дел. Здесь управление попало в руки, так сказать, «любителей», которые приняли на себя высокие звания, но не несли в себе никаких знаний и своими неумелыми действиями усугубили трудность положения Верховного Правителя, у которого и у самого не было никакого опыта по административному управлению. Особенно много вреда принес министр иностранных дел Сукин, 28-летний молодой человек, «американский мальчик», как его называли. Он окончательно поссорил адмирала с японцами, не сумел ослабить враждебность чехов, не сумел внушить доверия к Сибирскому правительству со стороны французов и американцев, а если не поссорил и с англичанами, то только потому, что представитель Англии, полковник Нокс, просто не считался с нашим министерством иностранных дел.

Надо, впрочем, по справедливости сказать, что и сам адмирал Колчак, мало эластичный и слишком твердо державшийся идеи великодержавности России, в сношениях с иностранцами шел неизменно по линии наибольшего сопротивления. В результате столь необ-

ходимое Сибирскому правительству признание его всероссийской властью не последовало, что лишило Россию возможности участвовать в заключении Версальского договора и не позволило заключить налаживавшийся американский заем. Но чтобы не обманываться иллюзиями, надо прямо признать, что ни то ни другое, то есть признание и заем, не изменили бы конечного результата сибирской Белой борьбы. Не в иностранцах, а в нас самих лежали причины неуспеха. Так же точно можно лишь теоретически рассуждать о недостатках и даже иногда преступности в деятельности министерства внутренних дел и финансов. Не от работы этих министерств зависел конечный исход борьбы, даже если бы во главе их стояли такие великаны мысли, как Столыпин и Витте. Центр тяжести, несомненно, находился в области ведения военных операций. Победа на фронте, занятие Москвы и изгнание из Кремля красной нечисти разрешили бы сразу все вопросы и, естественно, аннулировали бы само существование сибирских министров, ибо в Москве им делать было бы нечего.

Военные операции

В силу естественного и неизмеримого преимущественного значения военных операций в деле сибирской борьбы с большевиками они заслуживают исключительного к себе внимания, хотя ни по своему масштабу, ни способу их выполнения они не имеют ни малейшего военно-научного значения, если не считать отрицательного в смысле ведения Гражданской войны.

Но во-первых, от них, и только от них, зависел исход всего дела, и во-вторых, эти операции приобретают сугубый интерес, если поставить себе вопрос — могла ли быть выиграна нами военная борьба при тех же самых условиях, что застал Колчак 18 ноября 1918 года, или же наше дело все равно было обречено на гибель, как бы тая в себе предрешенность или predetermined порочность.

Ответить на эти вопросы с полной определенностью, разумеется, невозможно, ибо военная наука не принадлежит к разряду наук точных, как, например, химия или астрономия, не ошибающиеся в своих выводах. Однако и военная наука имеет свои законы, выработанные по образцам, завещанным нам Александром Македонским, Ганнибалом и Юлием Цезарем и закрепленным гением Наполеона. На основании выводов военной науки можно с достаточной определенностью иметь суждение о предстоящих военных операциях, то есть предугадывать результат антефактум. Тем легче производить анализ действий постфак-

тум и в нашем случае решать, как велики были шансы на победу адмирала Колчака над Красной армией и что именно привело к проигрышу нами сибирской борьбы.

Не останавливаясь на мелких подробностях, я лишь в очень крупных чертах рассмотрю те основные элементы, которые обуславливают собою победы или поражения. Таковых три: 1) численность и материальное и духовное состояние противных армий; 2) качественность командного состава, то есть подготовленность начальников вести боевые операции при современных условиях, иными словами, управление войсками; 3) стратегические планы сторон, то есть ответственность намерений всей обстановке данной минуты — то, что на военном языке называется ответственность условиям места, времени и ожидаемой воли противника, поскольку она поддается учету. Из этих трех элементов складывается любая боевая операция от партизанского набега до большой мировой войны.

Формирование Сибирской армии

Что же представляла из себя Сибирская армия, с которой адмирал Колчак начал поход против большевиков? История ее создания такова. Как все мы помним, большевики еще в ноябре 1917 года начисто упразднили бывшую царскую армию, расформировав все без исключения действующие и запасные части. Для внутренней службы, да и то лишь в столицах, они имели латышские и китайские части, матросские отряды и так называемую Красную гвардию, составленную из всякого отребья и вскоре упраздненную. Провинция, а в том числе и Сибирь, оставались совсем без войск. От этого так легко и проходило повсюду на Волге и в Сибири свержение советской власти ничтожными по численности партизанскими отрядами.

Когда после переворота 7 июля 1918 года в Омске образовалось Сибирское правительство, оно в первую голову должно было озаботиться созданием собственной вооруженной силы, чтобы, как тогда было объявлено, «отстаивать независимость демократической Сибири». Создателем Сибирской армии того периода явился некто Гришин-Алмазов⁸⁴, по одним сведениям, полковник, по другим — подполковник, а по третьим — штабс-капитан мортирной батареи. Осталось невыясненным, откуда и как попал он в военные министры Сибирского правительства; двойную фамилию и генеральский чин он присвоил себе сам в революционном порядке. Во всяком случае, энергию и организаторские способности он выявил недюжинные и ока-

зался вполне на своем месте. Гришин-Алмазов понимал, что с одними партизанскими отрядами против большевиков удержаться нельзя, и правительство издало указ (21 июня) о призыве в войска молодых людей 19—20-летнего возраста. Проще, казалось, было бы мобилизовать опытных запасных солдат, но правительство, памятуя роль солдат в революции, благоразумно от этого воздержалось. В основу организации Гришин положил строгую дисциплину, без каких-либо заимствований из времен Гучкова и Керенского. Лозунг — защита автономной Сибири и ее демократического правительства. Никаких наград за Гражданскую войну не давать. Система комплектования территориальная, отчего части получались как бы семейственные, из одной деревни, волости, уезда, что давало им готовую спайку. Как новшество — погоны не были введены, как уступка демократичности. Если вспомнить, с какою ненавистью солдаты относились к офицерским погонам во время революции и как все эксцессы начинались со срывания погон, то нельзя не признать, что и в этом вопросе Гришин поступил благоразумно. Жизнь оправдала его осторожность: впоследствии, при столкновении с большевиками, сибиряки, призывая красных сдаваться, как аргумент кричали им: «Переходи — не бойся, — мы такие же беспогонные». Да ведь не имеет погон французская армия и хуже от этого не делается. Мобилизация прошла очень успешно, но вовсе не от того, как хвастались сибиряки, что Сибирь как один человек встала на защиту своей свободы, а в силу вековой привычки повиноваться приказу начальства. На всякий случай в первое время в казармах на ночь к оружию ставился офицерский караул.

К сожалению, в правительстве не обошлось без зависти и недоброжелательства к Гришину, и уже в августе он был сменен с должности военного министра. На какой-то пирушке в Челябинске на неделикатный отзыв английского консула о России Гришин в подпитии наговорил ему дерзостей и между прочим сказал: «Еще вопрос, кто в ком больше нуждается: Россия в союзниках или союзники в России». Недоброжелатели воспользовались этим случаем и удалили Гришина из правительства. Он переехал к Деникину, был генерал-губернатором в Одессе, потом через Каспийское море пытался вернуться в Сибирь, но был застигнут в море большевиками и застрелился, чтобы не попасть в их руки.

После Гришина военным министром был назначен, тоже с выдуманной двойной фамилией, Иванов-Ринов, бывший полицейский пристав в Туркестане, типичный полицейский ярыжка, никакого понятия о военном деле не имевший, но чрезвычайно искусный в интригах

и много повредивший всему Сибирскому делу. Его первыми мерами было введение погон и приказ о том, чтобы офицеров, добровольно перешедших от красных, назначать для испытания рядовыми на нестроевые должности. Во главе армии этот герой от полицейской службы продержался недолго, при образовании Директории был заменен в должности военного министра адмиралом Колчаком и с этих пор всегда и везде оказывается во враждебном Колчаку лагере, выдвигая в Верховные Правители атамана Семенова.

При Директории Верховным главнокомандующим был назначен генерал Болдырев. Никто, конечно, не мог бы объяснить, для чего было нужно такое высокое звание для армии, состоявшей всего из нескольких батальонов, но в Сибири больше, чем где-либо, обнаруживалась страсть к высоким званиям и широким правам, которыми злоупотребляли, а об обязанностях не очень заботились; каждый считал себя ответственным лишь перед самим собой.

Численность армий и моральное их состояние. Стратегические планы сторон

К лету 1919 года Сибирская армия числила в своем составе 800 тысяч ртов, или по-сибирски — ложек. Цифра очень внушительная, и если ее выразить в корпусной единице нашей регулярной армии военного времени, то это даст 20 корпусов. Силы для Гражданской войны колоссальные.

Противник, то есть большевики, имел в июле 1918 года 450 тысяч, в декабре — 750 тысяч, к лету 1919 года — около одного миллиона, из коих 250 тысяч было возвращенных в строй дезертиров. Но не забудем, что эти силы должны были быть распределены одновременно на четыре фронта: Архангельский, Царицыно-Донской, Киевский (против Петлюры) и Западный. Таким образом, численно Сибирская армия не только не уступала Красной армии, но превосходила ее и имела всего один фронт, так как большевикам приходилось недостаток численности компенсировать стратегическими перегруппировками своих войск с одного фронта на другой. Из этого сравнения определенно следует, что элемент числа давал все выгоды и шансы на победу адмиралу Колчаку. Наоборот, в смысле материального снабжения огромное преимущество было на стороне Красной армии, ибо в ее распоряжении находились весь богатый материал и заводы, оставшиеся от Императорской армии. Сибирская армия жила случайными запасами, оказавшимися на территории Сибири; ни фабрик, ни заводов для изготовле-

ния военного имущества не имела, а снабжение из Англии и Японии налаживалось туго. Нужно было время, чтобы снабдить армию всем необходимым.

Что касается до морального состояния войск, то не будет ошибкой сказать, что оба противника находились в этом отношении совершенно в одинаковых условиях; нет никакого основания именовать большевистские войска Красной армией, разумея под этим нечто особенное, как бы идейное служение революции. И та и другая армии были ни красные, ни синие, ни зеленые, а типично русские, мужицкие, составленные из принудительно мобилизованных на одной стороне запасных солдат, на другой — двадцатилетних парней. Идейными борцами были небольшие кучки, в Сибири — партизан, а у красных — матросов и незначительная часть партийных рабочих. На обеих сторонах терминология была армейская, а сущность милиционная. Для Сибирской армии положение сильно ухудшалось почти полным отсутствием генералов и недостаточным числом офицеров, но зато все то, что оставалось у большевиков, работало с ними из-под палки и с горячим желанием провала большевистского дела, тогда как командный состав в Сибири вкладывался в дело с полным самоотвержением.

Оставляя сейчас умышленно без обсуждения второй элемент для успеха или неуспеха — управление войсками, — я перейду к третьему элементу: стратегические планы сторон. У большевиков вообще не могло быть никакого самостоятельного и единого стратегического плана, так как им приходилось бросаться из стороны в сторону, приспосабливаясь к действиям противников.

Каков же мог быть стратегический план для Сибирской армии, какие военные цели мог или должен был ставить себе адмирал Колчак в зависимости от сложившейся обстановки и руководствуясь теорией военного дела? Сибирская армия еще до окончания формирования была выдвинута на Уральский хребет и расположена в трех группах: Сибирская армия Гайды — у Перми, Западная (Вержбицкий и Ханжин) — у Екатеринбурга и Челябинска. Адмиралу Колчаку с приходом к власти прежде всего надо было решить: 1) стоять ли на месте и, пользуясь полной пассивностью противника, закончить формирование, сколачивание и снабжение своей армии, а также непременно связаться с Деникиным, чтобы условиться о совместных действиях, или же 2) немедленно действовать активно, чтобы не давать красным передышки, и попытаться с налета захватить важнейшие города на Волге, как перед тем с налета была захвачена Пермь. Осторожность и военная наука требовали принять первый план, чтобы идти к цели хотя и медленно, но верно. Предыдущие успехи над красными, подъем духа

у сибирских офицеров, общая жажда покончить скорее с большевиками и, наконец, импульсивный характер самого адмирала, естественно, перевешивали в сторону второго плана, как активного.

Для наступательных операций были только два разумных варианта: 1) или выставить заслон в сторону Вятки и Казани и, держась здесь оборонительно, главные силы направить на Самару и южнее, чтобы у Царицына соединиться с донцами и Добровольческой армией и затем совместно действовать на Москву, упирая свой правый фланг на Волгу; 2) или же двинуться в направлении Казань—Вятка с тем, чтобы через Котлас связаться с Архангельском, усилиться оттуда людьми и перекинуть свою базу из Владивостока в Архангельск, чтобы быть ближе к Англии — источнику пополнения военным имуществом.

Не надо быть большим стратегом, чтобы решить, какое из двух направлений следовало предпочесть, чтобы выполнить самые примитивные требования военной науки, а именно: а) не идти без надобности на большой риск; б) не давать противнику возможность бить нас по частям или то, что в стратегии называется — не давать ему возможности действовать по внутренним операционным направлениям; в) бить противника совокупными силами, или, по-драгомировски, бить кулаком, а не растопыренными пальцами. Все эти требования науки были бы соблюдены при выборе направления на Самару—Царицын, а кроме того, в этом направлении легко было увлечь за собою чехов, о чем я скажу подробнее.

Ни одного из этих преимуществ не давало направление всех сил на Вятку, потому что в этом направлении можно было рассчитывать на полный успех лишь в одном предположении, что большевики не сумеют или не догадаются сосредоточить силы против Сибирской армии, ослабив на время нажим на Деникина. Но базировать свой план на бессмысленных или безграмотных действиях противника не было никаких оснований, кроме собственного легкомыслия.

Был еще один, третий вариант, кроме двух указанных: двинуться одновременно и на Вятку, и на Самару. Он приводил к эксцентрическому движению армий, действиям враздробь и к оголению фронта в промежутке между армиями. Такой образ действий мог позволить себе полководец, уверенный в самом себе и в своих войсках и располагающий превосходством сил, стратегическим резервом и широко развитой сетью железных дорог для переброски войск по фронту и в глубину. При этом одно из направлений выбирается как главное, а прочие — суть демонстрации для введения противника в заблуждение. Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не было, исключая уверенности в себе полководца, поэтому

такой вариант должен был быть отброшен из обсуждения, как ведущий неумолимо к полному неукладу. Между тем он именно и был избран для сокрушения большевиков, что и привело сибирские армии, в конечном результате, к краху.

Положение большевиков весной 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана для действий. Сибирская стратегия их вырочила.

Высшее управление Сибирской армией

Как же могла произойти подобная безграмотность в выборе стратегического плана для действий сибирских войск? Чтобы ответить на этот вопрос, я должен теперь перейти к умышленно пропущенному мною раньше второму элементу учета шансов на успех в предстоящих боевых действиях, а именно: подготовленность командного состава к ведению операций в современных условиях войны, или, коротко выражая, управление войсками. Здесь мне опять приходится повторить, что сам адмирал Колчак абсолютно неповинен в совершенных нашим командным составом ошибках, ибо он сухопутного дела не знал и, естественно, должен был полагаться на знание и умение своих сухопутных помощников, и в первую голову на своего начальника штаба по званию Верховного главнокомандующего, но выбор помощников зависел исключительно от него самого, и следовательно, в неудачном выборе повинен только он один. Я уже упоминал, что в Сибири был большой недостаток в генералах и опытных офицерах; по сравнению с Добровольческой армией была полная бедность, полная, но не абсолютная, ибо все же на старшие должности было из кого выбирать. 18 ноября 1918 года, то есть в день переворота и прихода к власти адмирала Колчака, армия находилась в управлении генерала Болдырева, носящего титул Верховного главнокомандующего. Генерал этот в Императорской армии не прославился никакими особенными заслугами или талантами, но зато он прошел на войне все командные должности от командира полка до командующего армией, а до войны был профессором академии Генерального штаба, то есть со строевым опытом соединял большую научную подготовку. В Сибири больше, чем кто другой, он был достоин занимать высшие должности. После переворота он обиделся на Директорию (сам был одним из директоров), считал, что ему неуместно находиться под началом у Колчака, и сложил с себя звание и обязанности Верховного

главнокомандующего, пожелав уехать в Японию. Со стороны Болдырева этот шаг был явным преступлением перед государством, коль скоро свое личное самолюбие он поставил выше дела, которому добровольно служил. Да и дистанция между ним и Колчаком была такая огромная, что претендовать самому на роль Верховного Правителя, при наличии в Омске Колчака, было просто безумием. Однако и Колчак, если отдавал отчет себе в предстоявшей ему работе, не только мог, но и обязан был удержать Болдырева на его месте, хотя бы поступившись для этого званием Верховного главнокомандующего, которое он на себя после переворота принял. Колчак этого не сделал и легко отпустил Болдырева в Японию на отдых, снабдив его соответствующими денежными средствами на путешествие.

Начальником штаба у Болдырева состоял Генерального штаба генерал Розанов, проделавший Русско-японскую и Большую войну и занимавший в начале 1917 года должность начальника дивизии. Казалось бы, согласившись на уход Болдырева, адмиралу Колчаку следовало хотя бы удержать при себе Розанова, чтобы не прервать преемственности управления армией. Он и этого не сделал, и даже сам предложил Розанову на время устраниваться от армейских дел. Значит, адмирал решил выбрать новых себе помощников. Для этого он мог обратиться к академии Генерального штаба, которая после эвакуации из Петрограда и затем после захвата Казани чехами случайно оказалась в Сибири. В составе ее профессоров было несколько опытных и знающих строевых начальников, командовавших полками на Большой войне (генералы Иностранцев⁸⁵, Матковский⁸⁶, Андогский⁸⁷, Рябиков⁸⁸, Сурин⁸⁹). Любого из них Колчак мог взять к себе в начальники штаба, а остальных назначить на высшие штабные командные должности в армию. Этого он не сделал, а между тем ни Болдырев, ни Розанов, ни любой из указанных профессоров академии просто психологически не могли бы совершить тех грубейших оперативных и организационных ошибок, которые были совершены людьми, выдвинутыми Колчаком на высшие должности. Наконец, как бы сама судьба послала Колчаку на роль начальника штаба при нем двух генералов, оказавшихся на Дальнем Востоке и лучше которых он выбрать никого не мог бы. Это — генералы Флуг⁹⁰ и барон Будберг⁹¹. И тот и другой, выдающиеся по аттестациям, имели за собой огромный строевой, штабной и административный опыт и могли бы облегчить работу Колчака не только в военном отношении, но и в любой отрасли управления. Если во Флуге Колчака могли стеснять его высокий чин, немолодой возраст и высокие должности, то у Будберга этих, так сказать, недостатков не было. Тем не менее, Флуг не

получил вообще никакого назначения, а Будберг был назначен, и то не сразу, на второстепенную по функциям должность военного министра. Был и третий кандидат, на котором адмирал смело мог бы остановить свой выбор: это генерал Дитерихс, в Сибири бывший начальником штаба чешских войск, а на Большой войне начальником дивизии на Салоникском фронте и затем генерал-квартирмейстером Ставки. Он был ценен для адмирала не только как опытный штабной и строевой генерал, но и как связующее звено с чехами. Вместо штабного или строевого назначения Дитерихсу было поручено расследование дела убийства царской семьи в Екатеринбурге, хотя дело это уже вел опытный судебный деятель — Соколов. Очевидно, адмирал просто отделялся от Дитерихса, которому, однако, впоследствии, когда армия дошла до краха, он же вручил главное командование уже растрепанными войсками. Где тут логика... или в чем заключалась загадка, что адмирал Колчак, неосведомленный, как он в этом, вероятно, и сам не сомневался, в сухопутном деле, тщательно отгораживался от опытных сотрудников в лице известных генералов.

Я потому так подробно остановился на этом вопросе, что каждому понятно, какую доминирующую роль играет начальник штаба при Верховном главнокомандующем, особенно когда последним является лицо, не претендующее на звание полководца. Наполеон легко мог обходиться без Бертье («Гусенок, которого я сделал орлом», — как говаривал Наполеон), но отважный рубака Блюхер благоразумно выбрал себе в начальники штаба Гнейзенау, которого он публично называл своей головою. Покойный наш Государь, принимая на себя Верховное командование, не взял ведь себе в помощники кого-либо из близких к нему свитских генералов, а выбрал самого опытного, самого известного штабного генерала М.В. Алексева. Столь же осмотрительно нужно было поступить и адмиралу Колчаку.

Кого же он, однако, выбрал? Никому и ничем не известного молодого полковника Лебедева, незадолго перед тем прибывшего из Екатеринбургa для установления связи между Добровольческой и Сибирской армиями. Казалось бы, адмиралу должно было прийти в голову, что в столь далекую, безвозвратную командировку генерал Деникин не послал бы ценного и нужного ему самому офицера, что впоследствии он и выразил словами: «Полковник Лебедев принял видное участие в ноябрьском перевороте и непостижимым образом, не имея никакого командного стажа, стал вскоре начальником штаба Верховного главнокомандующего адмирала Колчака».

Чтобы и на морском языке была понятна вся ненормальность такого выбора, нужно вообразить себе такой совершенно невероят-

ный случай. Верховный главнокомандующий в Великую войну, великий князь Николай Николаевич, был одновременно и высшим начальником флота; могло бы случиться, что по какому-либо поводу в Ставку прислан был бы, например, от Черноморского флота какой-либо капитан второго ранга. Что сказал бы адмирал Колчак, если бы великий князь взял бы да и назначил командовать Балтийским флотом этого самого капитана второго ранга. А вот именно это-то самое и сделал адмирал Колчак в отношении Сибирской армии, выбрав полковника Лебедева как своего начальника штаба и, следовательно, фактически главнокомандующего. Выбор Лебедева остался неразгаданной загадкой, но настолько тревожил не только военных, но и общественные круги Сибири, что даже враги Колчака, социалисты-революционеры, когда производили допрос в иркутской тюрьме, настойчиво добивались у адмирала указать причины, по которым он назначил Лебедева на его ответственный пост, адмирал объяснений не дал. Существовало в Сибири мнение, что Лебедев был выбран потому, что участвовал в перевороте 18 ноября и способствовал возвышению Колчака. Думать так — значит совершенно забывать о благородном рыцарском характере Колчака, который к тому же и не стремился к диктатуре и был совершенно не способен делать назначения из благодарности за личные услуги. Вернее всего, что разгадку надо искать в импульсивности и стремительности характера адмирала, который и в сухопутном деле рвался на абордаж. Наверное, Лебедев нравился ему, когда в беседах высказывался за крайнюю активность действий против большевиков, которых легко победить с наскока. Кроме того, он и другие «вундеркинды», как называет их в своем дневнике Будберг, уверяли адмирала, что в революцию и стратегия, и тактика, и организация войск должны быть иными, чем в нормальной войне, и хорош лишь тот командующий армией, который сам с винтовкой в руках идет впереди солдат, то есть что и прапорщик в революцию может командовать армией. (Эта ересь так прочно засела в молодые головы, что и теперь, много лет спустя после краха Белой борьбы, находятся охотники ее проповедовать. Не так давно в «Русском Инвалиде» полковник Зайцев уверял, что в Гражданской войне организация никакой роли не играет, что нет ничего ненормального, что маленький отряд называет себя дивизией, а его начальник-поручик сам себя переименовывает в генералы. Дай Бог, если нам суждено продолжить Белую борьбу, чтобы у нас было поменьше таких вундеркиндов в будущем.)

И эти лозунги не могли не подкупать пылкое сердце адмирала, который впоследствии и сам охотно посещал окопы в наиболее опасных местах. Ему не приходило в голову драгомировское поучение, что

кучер должен править с козел, а не вылезать на конец дышла, а также что с винтовкой в руках ходит всякий взводный, но это еще не значит, что он способен командовать армией; для этого надо иметь некоторые познания. На горе, идеалист и верный в своих привязанностях, Колчак кому поверил, то верил неизменно до конца. Так он поверил и Лебедеву, и верил до тех пор, пока тот не привел армию к гибели. Я не знал и никогда не видал Лебедева и своего суждения о нем иметь не могу. Барон Будберг, которому я верю во всем до последнего слова, так как отлично знал его еще в мирное время, называет Лебедева бездарным и безграмотным выскочкой с огромным апломбом, самоуверенностью и отлично подвешенным языком. То же самое слышал я в Сибири и от других генералов старой школы. По общим отзывам, не кто другой, как Лебедев в компании с Сахаровым и Ивановым-Риновым, выскочками еще более бездарными, вырыли в Сибири могилу и для адмирала Колчака, и через него для всей России. В стремлении к новаторству они не понимали, что военное дело не есть вдохновение, а трудное ремесло, требующее знаний и долгой практики. Они ничего знать не хотели, жили фантазией, мало-мальски реального плана действий составить не умели, ставили войскам неосуществимые задачи и быстро их выматывали. Краем уха они слышали, что во французскую революцию из сержантов и даже барабанщиков выходили знаменитые маршалы, и решили, что они тоже не хуже Нея, Мюрата, Массена, Виктора и др. Не учили лишь одного, что эти маршалы находились при Наполеоне, но сами в Наполеоны, как Лебедев, Сахаров, не лезли и что Наполеон, прежде чем пересоздать тактику, отчасти и организацию, сам долго учился.

И вот что сделали с Сибирской армией Лебедев и К°. В ней к лету 1919 года значилось 800 тысяч человек, то есть ртов, а в строю под ружьем из этого числа находилось лишь 70 тысяч, то есть меньше одной десятой. Все остальное расползлось по штабам, обозам и тылам. В Сибири, благодаря неопытности и уступчивости адмирала Колчака, никто не хотел мириться с положением, соответствующим его чину и званию в царской армии, каждый норовил шагнуть через три, четыре и больше ступеней. Благодаря этому разрослось число высших штабов за счет боевых единиц. Группа в 12—15 тысяч человек, то есть то, что в нашей армии военного времени было меньше дивизии, в Сибири составляло армию, да не просто армию, а отдельную, то есть командующий ею пользовался правами и содержанием главнокомандующего. Армия делилась на два корпуса по 7—8 тысяч человек; дальше шли дивизии и полки силою иногда всего в 200 человек, то есть меньше нормальной роты, а бывали дивизии и в 400 человек.

Если бы такая щедрость в установлении командных ступеней не влекла за собой ничего, кроме излишних денежных расходов, можно было бы не очень печалиться. Но она ослабляла и без того слабый командный состав, отвлекала массу офицеров на штабные должности и механически вызывала создание корпусных, дивизионных и прочих обозов, причем численность повозок не сообразовалась ни со штатами, ни с потребностями, а исключительно зависела от возможности отнять у населения большее или меньшее количество повозок и лошадей. Были полковые обозы в 1000 повозок вместо штатных 54. Это уже не часть войск, а какая-то татарская орда времен Батыя. Сходство усугублялось тем, что при штабах ездили жены, дети, родственники и возился весь домашний скарб.

Отсюда-то и получилось, что из 800 тысяч ртов в строю оказывалось всего 70 тысяч бойцов, которых обслуживали: штаб главнокомандующего, 5 штабов армий, 11 штабов корпусов и 35 штабов дивизий. Какие невероятные и к тому же ненужные трудности должно было испытывать интендантство и другие управления, чтобы прокормить и снабдить всю эту ораву небоевого элемента. А в то же самое время у красных против нас действовала одна армия из 3—4 дивизий и 2—3 конных бригад, и эта-то сравнительная горсточка и разбила в конце концов наши толпы обозных и обратила в бегство многочисленные штабы с их тучей переписчиц, при которых нередко возились в обозе и их родители.

Итак, из трех элементов, от которых, согласно данным военной науки, зависит успех на войне, один, элемент числа, то есть живой силы, был определенно на стороне сибирских войск; другой — элемент духовный, или моральное состояние войск, — был уравновешенным для обеих сторон, но все же с некоторым плюсом для Сибирской армии, где если не солдаты, то офицеры горели желанием победы; наконец, третий элемент, управление войсками, давал бесспорное преимущество большевикам, потому что неумелые назначения на высшие должности в Сибири привели к тому, что в действительности сибирские войска высшего командного управления вовсе не имели. Дело вконец было испорчено принятием несоответственного обстановке плана действий и направления наступления.

Вышеизложенное позволяет, на основании данных военной науки, ответить на поставленный вопрос так: сибирская Белая борьба в смысле чисто военного имела все шансы на полный успех; если же его не получилось, то никакая предрешенность судьбы в том не виновата. Виноваты лишь одни руководители Белого дела в Сибири, и в первую голову, разумеется, адмирал Колчак.

Чехи и генерал Жанен

Прежде чем перейти к хронологическому изложению всех дальнейших событий, считаю уместным упомянуть вкратце об одном элементе, не предусматриваемом никакой теорией: это случайный чешский вопрос в Сибири. Он оказался чрезвычайно сложным и с материальной, и с моральной стороны и оказал исключительное влияние как на ход, так и на конечный результат всей сибирской борьбы с большевиками.

Чехи первые открыли огонь по большевикам, отказавшись в Пензе сдать оружие; они же совместно с русскими офицерскими отрядами содействовали свержению большевиков на всем протяжении от Волги до Байкала. Таким образом, ими был заложен первый камень независимости Сибири от большевиков, и они же вбили последний гвоздь в гробовую крышку адмирала Колчака и всего Белого движения в Сибири. Теперь, через 14 лет после минувших событий, трудно себе представить, как одни и те же люди на протяжении всего нескольких месяцев могли подняться до величайшего героизма и затем без всякой нужды упасть до величайшей низости — предательства и грабежей. А вот это-то и случилось с чехами.

Кто такие были эти чехи в числе 50 тысяч человек и как они попали в Сибирь? Все они были из числа военнопленных, по большей части сдавшихся нам добровольно, не желая служить Австрии, угнетательнице чешского народа. Зачисленные в состав Русской армии, они образовали самостоятельные чешские части. Русское правительство их одевало, кормило и вооружало по нормам наших войск, а сверх того платило каждому чешскому солдату по одному рублю в сутки. В боевом отношении чехи держали себя безупречно.

Как только с приходом большевиков русский фронт развалился и армия была демобилизована, положение чехов в России оказалось двусмысленным. Перед ними вырос вопрос: каким образом попасть на запад к союзникам, чтобы продолжать борьбу против Австрии и Германии. Свободен и доступен был только путь на Владивосток и далее морем на Францию. Естественно, что чехи этим путем и решили воспользоваться, начав отправку своих войск малыми партиями по железной дороге на Самару и далее через Сибирь.

В том хаосе, который царил в это время в России, это передвижение чехов не было никем замечено, а железнодорожное начальство никаких препятствий им не чинило. Первой спохватилась Германия, сообразившая, что рано или поздно чехи попадут на усиление французской армии. Поэтому немцы потребовали от Ленина, чтобы чехи были разоружены и интернированы как военнопленные. По этому

поводу надо без всяких обиняков признать, что Германия, заключившая Брестский договор, была в полном праве предъявить большевикам указанное требование. Равным образом и большевистское правительство было вправе потребовать от чехов сдачи обратно русского вооружения, коль скоро оно не нуждалось в них как в вооруженной силе, но обращать чехов опять в военнопленных, конечно, большевики права не имели, но для большевиков никакие правила вообще не писаны. Естественно поэтому, что чехи не доверились обещанию Ленина-Троцкого, что их не задержат в России, почему они решили оружие не сдавать и пробиваться на восток, если понадобится — силою.

Когда в конце мая 1918 года большевики потребовали от чехов, находившихся в Пензе, сдать оружие, они отказались это сделать. Произошло первое вооруженное столкновение, окончившееся в пользу чехов. С этого момента чехи оказались в открытой войне с большевистским правительством. Положение их было нелегким. Чтобы пробиться от Пензы до Владивостока, нужно было совершить переезд по железной дороге в 6000 верст при постоянном сопротивлении красных, которые не были в то время страшны как сила, но имели возможность в любом месте и в любое время прерывать железную дорогу. При таких условиях чехам никогда не удалось бы пробиться до Владивостока.

На счастье чехов, в это время на Волге появились антибольшевистские офицерские организации, которые охотно примкнули к чехам в их выступлении против большевиков. Отсюда родилась совместная борьба чехов и русского офицерства, кровью спаявшая их братский союз и наложившая на обе стороны, хотя и не зафиксированные на бумаге, известные моральные обязательства. В них, в этих обязательствах, отсутствовала всякая идеология; каждая сторона преследовала свои собственные цели, но они совпадали по направлению действий и делали русско-чешскую спайку прочной.

Чехи свою долю выгоды из союза извлекли и в конце концов все проехали до Владивостока. Выгода русских была значительно менее ощутительна: удержаться на Волге с отъездом чехов сил не хватало, а в Сибири советская власть была бы, хотя и несколько позднее, свергнута и без помощи чехов, ибо у большевиков там не было никаких корней. Надо, однако, признать бесспорной заслугу чехов в том, что только при их содействии мог быть захвачен в Казани весь русский золотой запас в 657 миллионов, отправленный туда еще при Керенском.

В сентябре 1918 года произошло особое обстоятельство, перепутавшее столь простые до того русско-чешские взаимоотношения. Как известно, в это время союзники, особенно Франция, истекали кровью и хватались за каждую соломинку, чтобы подкрепить их таявщую

живую силу. Такой соломинкой оказались чехи, которых рассчитывали перевезти во Францию морем. Но так как сделать это при отсутствии свободного тоннажа в скором времени было невозможно, то у союзников явилась мысль восстановить при помощи чехов и сибирских формирований Восточный фронт против Германии. Разумеется, это не был бы фронт в том виде, как до крушения Русской армии, но в каком бы то ни было виде он должен был отвлечь на себя часть австро-германских сил и тем облегчить положение союзников на западе.

Чехи получили из Парижа приказ вернуться на Урал и образовать с русскими единый антибольшевистский фронт. Они беспрекословно погрузились в поезда и тронулись назад через всю Сибирь. Представьте себе людей, только что проделавших шестимесячный путь с боями и потерями, достигших наконец мирной пристани на океане и вынужденных снова выполнять тот же маршрут, чтобы стать под немецкие пули и шрапнели. Много ли в мире найдется солдат, которые без протеста, без жалоб вновь сели бы в вагоны при таких обстоятельствах? Чехи оказались истинными героями и настоящими патриотами, готовыми для блага родины идти в полное самозабвение. Так родился вторичный союз чехов и сибирских войск, но на этот раз для чехов вынужденный. Длился этот союз недолго. Чехи были уже не те, их мысли и желания были далеко позади, и душа в боевом союзе не участвовала. Чтобы иметь повод уклоняться от боевой работы, они стали вмешиваться в русские дела под предлогом сочувствия эсерам и несочувствия реакции. Чехи настаивали на скорейшем образовании Директории, грозя в случае неисполнения уйти с фронта; они же в дальнейшем укрывали у себя лиц, заподозренных в разложении армии, в том числе известного Чернова. Так как это все же не было поводом для отказа от боевых действий, то в октябре они просто стали уходить с фронта под видом того, что «устали».

Геройства чехов хватило ненадолго, верх взяла жажда остаться в живых и вернуться домой, а кроме того, народилось стремление обогатиться за счет того, что плохо лежало в русских городах и на заводах, — началась и не прекращалась до эвакуации грабеж русского имущества. Когда потом чехи начали свое обратное путешествие по Сибирской железной дороге, у них оказалось 600 вагонов награбленного у нас разного имущества: дорогие металлы, камни, заводское оборудование, пианино, стильная мебель. Все это шло под видом «интендатурь». Чешские части разлагались все больше и больше, и офицеры ничего не могли поделать; доблестный полковник Швец не мог перенести позора разложения и застрелился.

Ко времени прихода адмирала Колчака к власти ни одного чешского солдата уже не было на фронте. В дальнейшем чехи были поставлены на охрану железной дороги, но несли ее своеобразно — стоя по большим станциям и не желая вылезать из вагонов теплушек; но они не отказывались принимать участие в карательных экспедициях, проявляя большую жестокость в расправах с населением, но не желая выступать против вооруженных большевистских партизан.

Несмотря на все только что высказанное, нельзя утверждать, что не было никакой возможности использовать чехов с боевыми целями. Чтобы попасть скорее домой, они готовы были принять участие в наступлениях, но лишь в направлении на Царицын, с тем чтобы по соединении с Деникиным они были отправлены Черным морем на запад, чтобы им гарантировали вывоз их имущества «интендатурь», как они называли жалованье золотом. Так как это направление, самое выгодное для нас, не отвечало планам полковника Лебедева, то оно и не было принято, содействие 50 тысяч войск чехов было потеряно, а Россия впоследствии расплатилась за безграмотную стратегию вундеркиндов и попустительство им адмирала Колчака. Раз нельзя было привлечь чехов на фронте, то следовало принять другое решение, которое предлагал барон Будберг: отправить всех чехов во Владивосток и самим охранять Сибирскую железную дорогу, чтобы чехи не висели у нас на нашей шее. Колчак медлил принять и это решение и своею медлительностью сам себе подготовил гибель.

Их всех чехов, находившихся в Сибири, самую видную роль играли: доктор Павлу — ярый социалист, генерал Сыровой — главнокомандующий чешско-польско-сербско-румынскими войсками на территории Сибири и некий Гайда, тот самый, что судился недавно в Праге за шпионство в пользу большевиков. Гайда начинал свою военную карьеру фельдшером в австрийской армии, обнаружил недюжинные военные способности и был произведен во время войны в первый офицерский чин. Вместе с другими чехами он попал в плен к нам и продолжал свою службу в одной из чешских частей на нашем фронте. В Сибири он быстро достиг генеральского чина и был одним из немногих чешских начальников, что ратовал за продолжение чехами борьбы вместе с русскими против большевиков. Его честолюбие и жажда власти не имели предела. Он обладал большим политическим чутьем и умением сходитья с общественными элементами. Своими смелыми планами и энергией он совершенно покорила наивного адмирала Колчака, который считал Гайду своим верным и преданным другом.

Однако сами чехи знали Гайду лучше, и на просьбу о разрешении ему перейти на русскую службу чешский министр Стефанек, бывший в Омске, отвечал: «Берите его, но я предупреждаю, что вы в нем ошибаетесь. Он либо будет вашим фельдмаршалом, либо вашим предателем».

Французский генерал Жанен

Говоря о чехах, естественно упомянуть об их главнокомандующем — французском генерале Жанене, сыгравшем большую роль во взаимоотношениях между нами и чехами в период отступления от Омска. Генерал Жанен до войны был прикомандирован к нашей академии Генерального штаба для изучения постановки у нас дела высшего военного образования и выучился хорошо говорить по-русски. На войне он командовал полком и состоял затем в штабе генерала Жофра, а последнее время находился при нашей Ставке в Могилеве. Он знал быт и уклад нашей армии. Когда французы задумали в 1918 году восстановить Русско-Германский фронт, Жанен был послан в Сибирь, чтобы вступить в должность главнокомандующего русско-союзными войсками, долженствовавшими состоять из чехов, сербов, поляков и румын из числа наших военнопленных, к которым должны были присоединиться французы, англичане, американцы и японцы. Но по приезде в Омск генерал Жанен оказался не у дел, так как, во-первых, с капитуляцией Германии отпала надобность в новом фронте против нее, а во-вторых, адмирал Колчак признал неудобным вручать командование русскими войсками иностранцу.

Странная вещь, по идее или с духовно-моральной стороны Колчак был почти всегда прав в своих намерениях или решениях, но также всегда выходило, что в приложении на практике его решения оказывались нежизненными, а то и вовсе вредными. Так было и в данном случае. Нет никаких данных гадать, что произошло бы, если бы Колчак исполнил волю союзников и дал Жанену назначение, для которого тот ехал из Парижа. Лучше нам могло бы и не сделаться, но уже без всяких гаданий можно утверждать, что не было бы и хуже, ибо хуже того, что случилось, ничего придумать нельзя. Лучше уже было бы потому, что тогда полковник, по-сибирски генерал-лейтенант, Лебедев не руководил бы действиями наших войск, а на его месте был бы знающий, авторитетный генерал, хотя бы и не русский. Затем, возможно, что Жанену не только удалось бы удержать на фронте чехов, поляков, сербов и румын, но и привлечь туда японцев, что было бы самое важ-

ное. Да и французская помощь имуществом и оружием была бы реальнее. Во всяком случае, терять нам было нечего, а выиграть можно было многое. Но идея великодержавности и престижа России, владевшая Колчаком, мешала ему видеть вещи в настоящем свете. Жанен остался в Омске в качестве номинального главнокомандующего союзными контингентами, отнюдь не желавшими воевать и подчинявшимися ему постольку, поскольку он был для них исправным интендантом. Роль малопочетная, и надо удивляться, что он с нею мирился и досидел в Сибири ровно до той минуты, как явился косвенным убийцей адмирала Колчака.

Боевые действия Сибирской армии

После этих многих отступлений от темы я могу обратиться к самому ходу военных операций сибирских войск под верховным командованием адмирала Колчака и фактическим управлением полковника Лебедева.

Как я уже упоминал вскользь раньше, решено было главное наступление вести от Перми на Вятку и далее на Москву. Рассчитывали застать красных врасплох, как то было зимою у Перми, и на легкий успех над ними. Между прочим, все мы помним, какой эффект произвело взятие Перми и какое огромное значение придавалось этому событию и в России, и за границей. Раздули сильно это дело и в Омске. Действительность оказалась много скромнее: трудно было подойти к Перми в мороз и по глубокому снегу, но, подойдя, ничего не стоило ее взять, так как красные и не сопротивлялись, а просто ушли из города, и потери с обеих сторон выразились скромной цифрой в два убитых и тринадцать человек раненых. Между тем овладение Пермью в известной мере предопределило направление будущего наступления. Между прочим, в Сибири у широких военных кругов создалось убеждение, что на выбор Московского направления подействовала больше всего боязнь молодых сибирских маршалов встретиться с Деникиным, по соединении с войсками которого им пришлось бы сойти на нет. Второе, что лестно было, — это войти в Москву первыми и тем самым закрепиться на своих высоких постах. Отрицать совсем наличие таких побуждений нельзя, но было бы большой несправедливостью считать их главными рычагами. Толкал на север молодой задор свежеиспеченных полководцев, их безграмотность, уверенность, что красные не окажут серьезного сопротивления, а больше всего английский полковник Нокс и чешский воевода Гай-

да. Нокс с душою отдался снабжению Русской армии всем необходимым и, естественно, желал перебросить базу на кратчайшее от Англии расстояние — на Архангельск—Котлас—Вятку. Гайда мечтал вывезти чехов на родину через Архангельск и тем прославиться у себя в Праге, а безудержное честолюбие тянуло его первым войти в Москву и явиться спасителем русского народа, а там кто его знает... ведь был же претендентом на русский престол поляк Владислав, никого и ни от чего не спасавший.

По плану Лебедева наступление должно было начаться в марте в трех направлениях: Гайда на Вятку и Москву, Вержбицкий на Казань, Ханжин на Самару. Вначале наступление пошло успешно, перед Сибирской армией Гайды красные бежали к Вятке, очистив всю Каму; Западная армия с налета взяла Уфу, войска стремительно наступали вперед, совершенно не считаясь с тем, что фронт, благодаря эксцентрическому движению, утерялся, связь между армиями прервалась, а резервов сзади не было никаких. Лебедев торжествовал, адмирал был в восторге и щедро раздавал награды. В донесениях, как это всегда бывает и в настоящих войнах, преувеличивались потери противника и собственные трудности.

Но неосмотрительно начатое наступление быстро захлебнулось. Западная армия была так потрепана, что пришлось отходить назад. Московские заправилы быстро сообразили, чем грозит им наступление с Урала, и, ослабив нажим на Деникина, перебросили часть сил против Колчака. Теперь их войска состояли не из сброда рабочих, а из мобилизованных солдат старой армии, которых они не боялись ставить в строй, потому что во второй линии находились коммунисты с пулеметами для удержания бегущих. Были призваны для командования спецы-генералы, которым нетрудно было разобраться, что сибирские войска разбросаны на широком фронте и их легко бить по частям. Первые удары обозначились вдоль линии Сибирской железной дороги в разрез между армиями Гайды и Вержбицкого.

Любой строевой генерал сразу же решил бы, что для противодействия красным необходимо сибирским войскам принять более сосредоточенное положение, чтобы армии могли поддержать одна другую и, перейдя к обороне, выждать, когда Деникин вновь притянет на себя красных. В то же время следовало позаботиться об образовании стратегического резерва для парирования случайностей. Вместо этого азбучного решения Лебедев отдал изумительное приказание — Сибирской армии Гайды энергично наступать на Глазов, то есть еще больше подставляя под отдельный удар и армию Гайды. Красные не замедлили воспользоваться удобным случаем и нанесли такой удар

Гайде, что его войска покатались назад в положении, близком к катастрофе. Неудивительно, что сам Лебедев не сознал собственной безграмотности, для этого он был слишком самонадеян, но поразительно, что и у Колчака не раскрылись глаза на нелепость стратегии его начальника штаба. Человек он был, бесспорно, и очень умный, и в своем морском деле широко образованный; к тому же если у моряков и у сухопутных тактики совершенно различны, то стратегия и тех и других отправляется из одних и тех же научных принципов. Потому-то совершенно необъяснимо, что Колчак до самого конца не сумел разобратся в нелепости лебедевской стратегии. Первым разобрался в нелепостях, совершаемых Лебедевым, Гайда, но реагировал на них самым невероятным образом: послал Колчаку и отдельно совету министров ультиматум о смещении Лебедева с должности руководителя военными операциями. Это, конечно, взорвало Колчака, тем более что он много раз виделся с Гайдой и тому ничего не мешало высказать в дружеской для адмирала форме свои соображения о непригодности Лебедева. И вот для Колчака создается новая трагедия, как поступить с Гайдой. Естественно, отчислить, но как быть, если Гайда откажется повиноваться, какового намерения он вовсе и не скрывал. Случай с Семеновым был еще свеж в памяти Верховного Правителя, и на этот раз, действительно осторожно посоветовавшись с Жаненом и Ноксом, адмирал сам поехал в Пермь к Гайде. Тот, к счастью, не сопротивлялся, и отчисление прошло гладко. Затем произошло примирение, и все осталось по-старому. Гайда ничего не потерял, оставшись командующим армией. Россия потеряла из-за того, что и Лебедев остался на своем месте, и авторитет Верховного Правителя явно пострадал, ибо адмирал не вышел победителем из конфликта. То было естественное следствие того, что бесспорности и беспрекословности авторитета власти у него не было, как бывает у коронованных особ, а завоевать этот авторитет на поле сражения он не мог. Вспыльчивость, быстрая отходчивость, вообще неуравновешенность характера и чрезмерная доброта только ухудшали трагическое положение Колчака. Ему повиновались, и то не всегда, но в его способность держать крепко бразды правления не верили, и это положение красной нитью протянулось на всем крестном пути покойного адмирала. Он горел желанием сделать все, но не сделал ничего за недостатком знания, умения и твердости характера.

10 июня 1919 года красные вновь прорвали фронт у Сарапула и Бирска, причем у нас впервые обнаружили тревожные признаки по части неблагополучия в войсках — 21-й полк перебил офицеров и перешел к красным.

8 июля мы потеряли Пермь и Кунгур. Положение становилось грозным, и осторожные люди, как военный министр Будберг, советовали вовремя убрать правительство в Иркутск, отвести войска за реку Ишим, дать им устроиться и отдохнуть, перейти временно к обороне. Адмирал согласился, но другие поймали его на его коньке и указали, что отъезд будет истолкован так, что будто адмирал боится опасности, и что, кроме того, переезд правительства произведет дурное впечатление за границей. Отъезд был отложен, и в дальнейшем мы увидим, во что обошлось это промедление. В игре на слабых струнах Колчака не было, конечно, чьей-либо злой воли или дурного умысла, но было много наивности и пустозвонства. Беспokoились, какое впечатление за границей может произвести отъезд правительства из Омска, но не тревожились, что будет с Россией, если Верховный Правитель позволит растрепать с таким трудом сколоченную армию. Да ведь и вся работа в Сибири была одним сплошным легкомыслием. Не только отложили отъезд, но по настоянию Лебедева и такого же безграмотного в военном деле полковника, по сибирской табели о рангах генерал-лейтенанта, вынудили адмирала согласиться на новое наступление, чтобы поправить прежние неудачи. А между тем в дивизиях было всего по 400 человек в строю при 6—7 тысячах нестроевых.

28—30 июля состоялось наступление под Челябинском и, разумеется, кончилось победой красных. Вину свалили на неподготовленность укомплектований, присланных Омским округом, хотя и округ, и военное министерство предупреждали, что новобранцы — только сырой материал, ни разу не стреляли и что ставить их в строй и тем более пускать в бой абсолютно невозможно. Но Лебедев, как зарвавшийся игрок, все думал, что счастье повернется в его сторону, не вспомнив ни разу, что в военном деле на первом плане стоит умение. За неудачами на фронте последовали восстания в тылу, где одновременно в этом направлении работали и большевики, и эсеры, и наши карательные экспедиции.

10 августа адмирал решил наконец расстаться с Лебедевым и заменил его генералом Дитерихсом, то есть кончил тем, с чего ему надо было начинать, утя в свое время, что за Дитерихсом был не только большой служебный и боевой опыт, но, что по тому времени было очень важно, еще и тайная связь с чехами. Дитерихс начал с того, что с большим трудом добился от командующих армиями сведений о численности их войск, и оказалось, что в армиях значится всего 50 тысяч строевых при 300 тысячах нестроевых. Вспомнив, что раньше в армии значилось 800 тысяч человек, придем к заключению, что

за летние месяцы она потеряла около полумиллиона человек. Не надо очень волноваться и думать, что это были убитые или раненые. В Сибири модус вивенди был таков: пока армия шла вперед, все оставались на своих местах, как только она отступала, солдаты, проходя мимо своих родных мест, неизменно дезертировали. Это было, так сказать, правило игры или неудобства территориальной системы комплектования. К тому же все вымотались и выдохлись от непрерывных неудач, люди не хотели больше воевать, не хотели даже просто передвигаться. Тверды были лишь вяткинские (воткинские?) и ижевские рабочие да приволжские татары, которые все равно были уже так далеко от своих деревень, что попасть в них не рассчитывали. Ослабели духом и офицеры и не были больше способны на жертвенный подвиг. Бессмысленное управление колчаковских маршалов доконало и их.

Хотя оборона как способ действия вообще не свойственна ни революции, ни гражданской войне, но для Омского правительства, после поражения армии под Челябинском 30 июля, казалось бы, не было другого выхода, как перейти к обороне, чтобы дать армии возможность переустроиться и отдохнуть. Но в Омске все еще носились с мыслью, что все можно поправить одним ударом; нашелся и человек, который предложил нанести большевикам этот удар. Это был упоминавшийся мною ранее бывший полицейский пристав Иванов-Ринов, к тому времени интригами и подкупам сделавшийся атаманом Сибирского казачьего войска. Он заверил адмирала, что если казаков богато снабдить всем необходимым снаряжением, вооружением и одеждой и отпустить им определенное количество миллионов рублей, то войско поднимется как один человек и красным не устоять под его напором, а командование он, Иванов-Ринов, берет на себя. Адмирал, болевший душою за неудачи и горячо отзывавшийся на проявление всякой активности, ухватился за предложение и приказал выдать казакам все, что требовал Иванов-Ринов. К казакам полились деньги и имущество, но когда дело дошло до выступления в поход, то вместо обещанных 18 тысяч поднялось только семь с половиною тысяч казаков, да и те никакой пользы не принесли, потому что взявшийся ими командовать Иванов-Ринов обнаружил полное неумение выполнить поставленную ему генералом Дитерихсом задачу.

Чтобы выиграть время для отвода растрепанных наших войск за реку Ишим, Дитерихс сам перешел в наступление частью сил на нашем левом фланге. Удар был очень удачен: весь правый фланг красных был совершенно разбит и отброшен за Курган; на всем ос-

тальном фронте они спешно отходили за реку Тобол, бросая большую военную добычу. Заключительным актом этого удара и должен был служить энергичный натиск казаков в тылу красных для окончательного их разгрома. Тогда Омск действительно получил бы большую передышку. 10 сентября казакам назначено было произвести удар.

С началом успеха Колчак выехал на фронт к казачьему отряду, и 10 сентября, вместо донесения о начале налета, Дитерихс получает от самого Колчака телеграмму: «Ввиду переутомления войск, и в особенности казаков, остановил войска на трехдневный отдых. Очень вам благодарен за успех». Надо заметить, что до этих пор казаки ни в каких столкновениях не участвовали, а просто следовали походным порядком за левым флангом Дитерихса.

Остановка наступления, конечно, дала возможность красным одуматься и подвезти подкрепление в три дивизии, и в середине октября они сами сделали такой нажим, что 3-я армия генерала Сахарова неудержимо покатила в сторону вдоль железной дороги на Петропавловск.

Не следует закрывать глаза на то, что в неудаче 10 сентября, точнее сказать в невыполнении Ивановым-Риновым поставленной ему задачи, значительная доля вины падает и на главнокомандующего генерала Дитерихса. Он знал, что полицейская ищейка Иванов-Ринов не имеет никакого понятия о командовании войсками, следовательно, под тем или иным предлогом он должен был не допустить его становиться во главе казаков в такую ответственную минуту, а если это было невозможно сделать по причинам внутреннеполитическим, то ему самому надлежало быть при казачьем отряде. Во всяком случае, ему следовало энергично протестовать против вмешательства Колчака в его боевые распоряжения и доложить, что остановить войска на трехдневный отдых в такую минуту является тяжчайшим воинским преступлением. Но увы, как общее правило, все наши старшие начальники страдали одним и тем же недугом — полным отсутствием гражданского мужества в отстаивании своего мнения. Это не так бросалось в глаза в нормальное время, как с первых же дней революции.

С неудачей под Курганом пробил предпоследний час Колчака как Верховного Правителя, его правительства и всей сибирской Белой борьбы. Пора было взяться за ум, перестать надеяться на чудеса и отказаться от навязчивой идеи о невозможности покинуть Омск. Время было обратиться к какому-либо осуществимому плану, чтобы спасти хотя бы то, что было доступно.

План генерала Дитерихса о глубоком отходе

Генерал Дитерихс отдавал себе ясный отчет в том, что идея Колчака о прочной задержке армий на реке Иртыше неосуществима; но даже и при ее осуществимости невозможно было смотреть на Омск как на столицу с пребыванием там правительства, коль скоро этот город вошел бы в линию фронта. Приходилось также считаться с близким наступлением зимы, когда Иртыш переставал быть преградой и оборонительной линией. По всем этим соображениям Дитерихс отдал приказ армиям начать глубокий отход, а Колчак должен был скрепя сердце сделать распоряжение об эвакуации правительственных учреждений.

По плану Дитерихса, первая армия должна была отойти к Томску для укомплектования, остальные две к Омску, Новониколаевску, Мариинску и далее, глядя по обстановке. Часть правительственных учреждений начала переезжать в Иркутск. К сожалению, этот план своевременно осуществлен не был; как и почему, я скажу ниже. Сейчас я хочу остановиться на соображениях, что сулил нам этот план, если бы был приведен в исполнение, или, уточняя вопрос, решить, могла ли потом возродиться Белая наступательная борьба в Сибири с надеждою на одоление красных. Несомненно, могла, но при непременно наличии одного из двух условий: или чтобы красные были совершенно разбиты в Европейской России Деникиным, и тогда Сибирская армия не позволила бы им удержаться в Сибири, куда они, естественно, должны были бы броситься после Волги. Другая возможность удержаться была явно невероятна — это чтобы японцы решились поддержать нашу армию своими войсками, за что потребовали бы больших земельных компенсаций, а на это не пошел бы Колчак.

Вне этих двух условий не было и одного шанса на сто на успешное возобновление борьбы весной 1920 года. Я говорю, конечно, о борьбе наступательной. Ни план Дитерихса, ни какой иной уже не сулил нам успеха. Война была проиграна потерей времени, пространства и живой силы благодаря целому ряду колоссальных стратегических и политических ошибок. Год назад с линии Пермь—Екатеринбург—Челябинск ничего не стоило вместе с 50 тысячами чехов достигнуть Волги между Самарой и Царицыном, усилиться по пути оренбургскими и уральскими казаками и соединиться с Деникиным. На эту операцию стоило пойти даже с риском открыть проход в Сибирь через Уральский хребет. Много труднее, но все же не невозможно было подойти к Москве через Вятку, для чего надо было действовать совокупными силами в этом направлении, медленно, методически и согласуя свои действия с тем, что происходило у добровольцев. Колчак, вместо того или другого

плана, пошел на авантюристическую стратегию Лебедева. Результатом такой стратегии было то, что уже к середине июля войска понесли ряд крупных поражений и пришли в расстройство. Но в это время далеко еще не все было потеряно и, если бы тогда же послушались совета опытных генералов и отошли для переустройства и укомплектования за реку Ишим, кампанию можно было бы начинать заново в том или другом направлении или перейти к активной обороне до весны будущего года. На понимание этого положения Лебедевым, Сахаровым и К° рассчитывать, конечно, не приходилось, потому как они вообще ничего не понимали, но, как не понял такой простой вещи адмирал Колчак, это является необъяснимым, ибо всякий, кто его знал, не мог не видеть, что это человек очень умный и широкообразованный, к тому же выдающийся морской стратег, тактик и техник. Ведь если бы в Балтийском или Черном морях флот под его начальствованием потерпел ряд неудач, он, наверное, не стал бы дальше бить лбом стену, а обратился бы к исследованию причин понесенных неудач и в дальнейшем изменил бы всю стратегию или тактику. Уму непостижимо, как не пришло ему в голову то же самое в сухопутном деле, где он к тому же мог воспользоваться чужим знанием, почерпнутым долголетней службой. Создается впечатление, что Колчак или боялся, или стыдился признаваться в своем сухопутном невежестве и не только не просил помощи у опытных людей, но отталкивал ее, когда ему ее предлагали. Так, он взял с собою Будберга в поездку к армии Сахарова, но на оперативный доклад не пригласил и о предстоящих операциях с ним не разговаривал. В другой раз Будберг, по должности военного министра, предложил ему подать свое письменное мнение о стратегическом положении наших армий и возможном образе их действий. Колчак сухо ответил, что он имеет все сведения от своего начальника штаба. Это уже не обостренное самолюбие, а положительно какое-то затмение.

Из этих двух примеров, несомненно, явствует, что и Будберг страдал той же болезнью, о которой я выше упоминал, — отсутствием воли и твердости своего мнения пред старшим начальником. В качестве опытного старого генерала он имел полное право быть выслушанным, и особенно Колчаком, явно несведущим в сухопутном деле, и Сахаровым — слишком молодым и неопытным в управлении крупными операциями. Следовательно, раз Колчак не догадался позвать его на оперативный доклад, Будберг сам должен был напроситься на него, отложив в сторону свое самолюбие.

Во втором случае незачем ему было спрашивать разрешения Колчака о представлении ему своего мнения по оперативным вопросам, а следовало прямо подавать доклад. Дело Колчака было прочесть его

или нет, согласиться с ним или нет. Будберг свой долг исполнил бы. Нет ничего глупее, как развившееся у нас широко пассивное толкование тоже довольно неумной поговорки «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся» или, еще хуже, «Всяк сверчок знай свой шесток». Вот эта-то стыдливая пассивность и погубила Россию. На службу смотрели как на какое-то частное и личное дело старшего начальника, и если он не спрашивал, то о своем мнении боялись даже заикнуться. Это особенно губительно сказалось во времена Временного правительства, так быстро развалившего армию при полной несопротивляемости военного командования.

Возвращаясь к плану Дитерихса, я еще раз повторяю, что отход от Омска в глубь Сибири зимою и после потери большей части армии и военного имущества уже не оставлял надежды на возможность новой наступательной кампании будущим летом. Большевики, конечно, продолжали бы преследование сибирских войск, и возможно, что этим последним пришлось бы отходить даже в Забайкалье. Но если бы удалось совершить в полном порядке отход, намеченный Дитерихсом, то мы все же имели бы очень существенные выгоды. Прежде всего, сохранилась бы жизнь многих тысяч людей, погибших в последующем паническом отступлении, и уцелел бы сам Колчак, воплощавший в себе символ всероссийской власти. В его руках сохранился бы весь золотой запас, за счет которого могла бы быть переброшена на восток армия Врангеля из Крыма. Уйдя в Забайкалье, можно было надолго, если не на все царствование большевиков, образовать независимую часть Российского государства из Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Географические условия, судоходный Амур, две железные дороги и наличие войск и денег делали оборону этой территории вполне осуществимой. Там же нашла бы убежище и работу разбросанная ныне по всему миру русская эмиграция.

Но и этот возможный маленький кусочек русского счастья уплыл у нас из рук, благодаря колебаниям Колчака и его легкой отзывчивости на активность, хотя бы и заведомо нелепую.

План генерала Сахарова. Увольнение генерала Дитерихса

Адмирал Колчак принял план Дитерихса об отходе не без большого сопротивления и против своего сердца. Так, 30 октября он телеграфировал Дитерихсу на фронт, что он не может согласиться с оставлением Омска, так как это явится полным нашим политичес-

ким уничтожением и в России, и за границей. Поэтому он принимает все меры для формирования в Омске резервов, ибо не допускает оставления Омска без самого упорного сопротивления.

Эта навязчивая идея о невозможности оставления Омска и, несомненно, влияние генерала Сахарова и Иванова-Ринова вывели Колчака из душевного равновесия до такой степени, что он уже не отдавал себе отчета в том, что его политическое уничтожение зависело не от географического пункта, а от наличия боеспособной армии и успехов против большевиков. Отсюда его разногласие во взглядах с главнокомандующим. Колчак требовал от армии упорных боев под Омском; Дитерихс доносил ему, что армия вообще ни к какому бою сейчас не способна и ее надо прежде всего оторвать от соприкосновения с противником, чтобы дать ей время прийти в себя.

Удивительно, что Колчак не вспомнил при этом случае историю оставления в 1812 году Москвы во имя спасения армии и не подумал о том, что коль скоро на протяжении многих месяцев у него были только одни неудачи на фронте, то его политическое значение и за границей, и в России уже исчезло. Свидетельством этому могли служить бегство из Омска иностранных представителей и разраставшиеся восстания в тылу. Но адмирала Колчака ничто не могло образумить в его болезненном убеждении, что прочность его положения зависит только от того, удастся ли ему удержать Омск или нет.

Тем не менее, план Дитерихса начал уже приводиться в исполнение — первая армия Пепеляева проехала по железной дороге за Омск и началась эвакуация некоторых правительственных учреждений. Вскоре, однако, все повернулось по-другому — адмирал Колчак настоял на своем.

4 ноября адмирал вызвал к себе только что вернувшегося с фронта генерала Дитерихса и, сильно волнуясь, спросил его, не имеет ли он что-либо против, если адмирал произведет Сахарова в генерал-лейтенанты (за что, можно бы спросить). Дитерихс ответил, что он Сахарова не представлял к производству. Тогда адмирал крикнул в соседнюю комнату: «Генерал Сахаров!». Вошли Сахаров и Иванов-Ринов. Инсценировка была, очевидно, подготовлена. (Всю эту сцену я передаю со слов очевидца ее в кабинете адмирала Колчака. По непонятным для меня причинам он просил фамилию его не называть в печати.) Колчак, продолжая нервничать, обратился к Дитерихсу со словами: «Вот, ваше превосходительство, вы мне все докладываете, что Омска нельзя удержать, а генерал Сахаров берется его удержать». Дитерихс ответил, что мнения своего изменить не может. «В таком случае, — сказал Колчак, — я освобождаю вас от должнос-

ти главнокомандующего и назначаю вместо вас генерала Сахарова». Дитерихс молча вышел из кабинета. Было решено отстаивать Омск.

Сам Сахаров в его книге «Белая Сибирь» рассказывает, что он не брался удерживать Омск во что бы то ни стало, а обещал лишь сделать все возможное для его удержания. Видимо, генерал Сахаров и поныне не успел додуматься, что дело заключалось не в терминологии, а в том, что его «обещание» в корне изменяло принятый уже план действий, что в случае несдержания его обещания вело неизбежно к катастрофе.

Было начало ноября, холода уже начались, но Иртыш еще не стал и создавал видимость неодолимой преграды, за которой будто бы можно было упорно оборонять Омск. Но через несколько дней с неизбежным замерзанием реки эта преграда должна была исчезнуть и тем самым предрешить судьбу Омска, ибо красные могли в любом месте обойти по льду обороняющие Омск войска.

Что этого не понимали Колчак, Сахаров и Иванов-Ринов, Бог им простит их невежество в военном деле, они, несомненно, заблуждались добросовестно. Но непростительно, что генерал Дитерихс, образованный и опытный военачальник, отступил молча, вместо того чтобы авторитетно разъяснить Колчаку его заблуждение. С карандашом в руках и с термометром за окном не трудно было обнаружить всю неосуществимость надежд Колчака на Сахарова. Если бы и это не помогло, надо было бороться до конца: собрать совет наличных министров, совещание старших начальников, кого и что угодно, чтобы заявить Колчаку, что он идет на гибель остатков армии, что дело отнюдь не касается его личного престижа или его правительства, а на карту ставятся интересы государства.

Дитерихс этого не сделал, в должность главнокомандующего вступил Сахаров, а начальником штаба вместо опытного генерала Рябикова был назначен совершеннейший младенец Оберюхтин. Не знаю, каков был его настоящий чин, по-сибирски он назывался генерал-майор.

Я поставил в подзаголовок настоящей главы слова «план генерала Сахарова» только потому, что в нашем языке нет слова, обозначающего противоположное понятие, что-либо вроде «беспланье», ибо у Сахарова никакого плана не было, да и быть не могло. Просто была приостановлена эвакуация Омска, а первой армии приказано было вернуться по железной дороге в Омск. Она и вернулась, но из вагонов выходить не пожелала. Собственно, и не для чего было. Легко себе, однако, представить, какая каша заварилась на железной дороге с изменением расписания эвакуации и с обратным движением воинских эшелонов во встречном эвакуации направлении.

В самых первых числах ноября Иртыш стал, и тут даже Сахаров понял, что затеял неумную игру и только подвел адмирала. Был отдан приказ об очищении Омска и об отходе войск на восток, другими словами, были потеряны две недели для планомерного отхода и внесена путаница в железнодорожное движение. За предвзятость мышления Колчака и за безграмотную самонадеянность Сахарова вскоре жестоко расплатилась Россия и сам адмирал Колчак.

Колчаку, если он чувствовал себя еще Верховным Правителем, естественно было бы спешить уехать в Иркутск, где собрались все его министры (за исключением министров путей сообщения и продовольствия, остававшихся при штабе), а там наладить управление, озаботиться размещением армии в новых районах...

*Г. Клерже*⁹²

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ⁹³

Чтобы проехать в Пермь по воде, надо было предпринимать сложное путешествие по реке Унже, впадающей в Волгу около города Юрьевца. Вверх по Волге отходили пароходы весьма небольшого размера, но и те, дойдя до слияния с Унжой, в нее уже не заходили. Приходилось здесь делать новую перегрузку на еще меньший плоскодонный «паузок», который весьма медленно тащил до маленького городка Макарьева, где снова, то есть уже в третий раз, пришлось пересесть на малюсенький, грязненький буксиришку, который тащил за собой на длинной бечеве что-то вроде парома.

На пароме, заставленном всякой всячиной и рухлядью, располагаться было совершенно невозможно, почему автор настоящих воспоминаний со своей семьей, будучи единственным в своем роде «редким» пассажиром на подобного образа «пароходе», поместился в трюме буксира, напоминающем собою простой погреб, куда можно разве складывать только бочки с селедками. Это путешествие было «первой данью», которую надо было платить Октябрьской революции, тому, кто не видел в ней никакой для себя «прелести»... И эту «дань» мы, русские, заплатили, да и до сих пор платим еще весьма исправно...

Около суток времени было потрачено на блуждание по этому первобытному речному сообщению, по которому едва ли когда-либо ездил хоть один пассажир «дальнего речного плавания»... На этих «калошах» и «полукалошах», очевидно, разъезжали только местное именитое купечество да власть имущие становые и исправники.